

Частный детектив  
Татьяна Иванова



# МАРИНА СЕРОВА

Отель  
для интимных  
встреч

Повесть

Три чудовища  
и красавица

Повесть



**Марина С. Серова**  
**Три чудовища и красавица**  
Серия «Частный детектив  
Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=166862](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166862)*

*Отель для интимных встреч. Три чудовища и красавица: Эксмо; М.;*

*2006*

*ISBN 5-699-16580-0*

# Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	31
ГЛАВА 4	39
ГЛАВА 5	47
ГЛАВА 6	52
ГЛАВА 7	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

# Марина Серова

## Три чудовища и красавица

### ГЛАВА 1

Когда начиналась реклама растворимого кофе, мне хотелось поспорить о вкусах со всем миром. Нет, я вовсе не скандалистка и телевизор смотрю не так уж часто, просто сегодня в кои-то веки у меня выдался свободный вечерок. Хотелось провести его в приятной компании, но... старые бойфренды куда-то подевались, а новыми я еще не успела обзавестись. Конечно, и в одиночестве можно найти немало приятностей, поэтому страдать я вовсе не собиралась.

Насладившись густым ароматом и действительно насыщенным вкусом «Арабики», я включила «ящик» и что же? Кто-то в очень агрессивной форме пытался меня убедить в том, что надо пить растворимый кофе, который может творить чудеса. Лично я признаю только свежемолотый и могу привести не меньше десяти аргументов в его защиту. Увы, единственное, что можно было сделать в этой ситуации, – переключить канал, поскольку спорить было не с кем. Так я и поступила, но на другом канале шла та же реклама. Еще раз нажав на пульт, я напала на постановку шекспировской пьесы, и меня сразу же одолел вопрос: «Почему все актеры

обязательно мечтают сыграть вечно сомневающегося Гамлета?» Во всяком случае, дилемма – быть или не быть, лично передо мной никогда не вставала. Я всегда выбираю: «Быть!»

Прослушав монолог Гамлета, я так и не поняла – что же такого привлекательного в этой роли, поэтому переключила канал и наткнулась на «Эркуюля Пуаро». Вот это роль! Здесь, бесспорно, есть, что играть. Какой пронизательный взгляд! Какая лукавая улыбка! Какая уверенность в себе! Увы, я никогда не слышала, чтобы какой-нибудь актер сказал, что мечта всей его жизни – сыграть частного детектива, например, Эркуюля Пуаро.

Нет, я не актриса, а как раз частный детектив, между прочим, один из самых лучших в городе Тарасове. Меня зовут Татьяна Иванова. Есть ли у меня профессиональная мечта? Пожалуй, есть. Мне всегда хотелось расследовать преступление, совершенное по всем правилам классического детектива, что-то вроде «чисто английского убийства» – труп в особняке, может быть, даже не один, ограниченный круг подозреваемых... тот, у кого есть веский мотив для убийства, находится все время на виду, а тот, на кого все-таки падает подозрение, вдруг становится следующей жертвой.

Нет, не подумайте – Татьяна Иванова ни в коей мере не цинична и не кровожадна! Я мечтаю вовсе не о том, чтобы подобное преступление произошло в нашем провинциальном Тарасове, где имеются очень даже приличные особняки, владельцы которых мнят себя настоящими аристократами.

Но если вдруг случится такое убийство, то мне хотелось бы его расследовать.

Дела, которыми мне довелось заниматься в последнее время, были хоть и высокооплачиваемыми, но скучными – слежка за неверным мужем и поиск автомобиля, в котором был оставлен кейс с очень важными документами. Я способна на большее. Но почему бы немного не пофантазировать или помечтать в свободный вечер?

Когда раздался телефонный звонок, у меня почти не было сомнений, что это новый клиент или клиентка. Приглушив звук телевизора, но не отрывая глаз от экрана, я протянула руку к тумбочке, сняла трубку и сказала:

– Алло.

– Татьяна Александровна? – после некоторого молчания осторожно поинтересовался вкрадчивый мужской голос. – Частный детектив?

– Да. Чем могу быть вам полезна? – Этот вопрос я сотни раз задавала своим будущим клиентам одним и тем же твердым, уверенным в себе голосом, только вот отвечали мне на него все по-разному.

На другом конце провода снова возникла небольшая пауза, но было слышно, как тяжело дышит звонивший.

– Мою жену убили, – наконец выдавил из себя мой новый клиент и тяжело сглотнул ком, подкативший к горлу. Вероятно, он решил, что я его не расслышала, потому что повторил: – Моя жена Ксения убита.

– Когда и как это произошло? – спросила я, выключив телевизор.

– В среду, а вчера мы Ксению похоронили, – начал сбивчивый рассказ вдовец. – Мне казалось, что убийцы пойманы и их ждет заслуженное наказание, но их выпустили. Представляете, мы возвращаемся с Артемом, это наш сын, с поминок, а они, те, кого подозревали в убийстве, как ни в чем не бывало, стоят около подъезда... Я был в отчаянии, бросился на них с кулаками, но один сосед удержал меня и посоветовал обратиться к вам... Татьяна Александровна, вы ведь занимаетесь расследованием убийств?

– Да, занимаюсь и готова взяться за это дело. Простите, но вы так и не представились...

– Демидов Алексей Евгеньевич.

– Алексей Евгеньевич, вы знаете, какие у меня тарифы? – на всякий случай осведомилась я.

– Что? Тарифы? Да, конечно, мне сказали о том, что вы очень дорого берете за свои услуги. Но где же мне еще искать справедливость? Для меня сейчас деньги не имеют никакого значения, я готов все до последней копейки отдать, лишь бы найти убийцу моей жены, – голос Демидова приобрел твердость. – Татьяна Александровна, вы могли бы завтра утром приехать ко мне домой?

– Да, конечно, говорите адрес.

Новый клиент проживал далековато от центра, в Трубном районе Тарасова, на улице Нагорной. Вот туда-то мне и пред-

стояло отправиться завтрашним воскресным утром. Признаюсь, я предложила ему встретиться немедленно, потому что было еще совсем не поздно, около семи вечера, но он сказал, что должен кое-что подготовить к нашей встрече, и меня сразу же посетила простая догадка – Демидов имеет в виду деньги. Вероятно, ему еще надо было достать где-нибудь кругленькую сумму на оплату моих услуг. Я понимала, что он потратился на похороны. Завтра так завтра. Без аванса я не привыкла работать, а день недели или время суток не имело для меня никакого значения.

– Хорошо, завтра в десять утра я буду у вас...

– Да, приезжайте прямо сюда, – перебил меня клиент. – Поймите, все мои надежды только на вас, Татьяна Александровна. Я никогда не смирюсь с тем, что убийца остался безнаказанным. Его надо обязательно найти и изолировать от общества. Вы ведь его найдете?

– Да, я сделаю все возможное.

– Спасибо. До свидания, – заручившись моим согласием, Алексей неожиданно повесил трубку, даже коротко не посвятив меня в то, при каких обстоятельствах была убита его жена.

Это меня интриговало, я даже хотела перезвонить Демидову, но он не оставил мне номера своего телефона. У меня был только его домашний адрес. Наверное, клиент имел все основания считать, что не стоит обсуждать подробности по телефону, а по моим понятиям клиент всегда прав.

Несмотря на то, что мне не были известны подробности убийства Ксении Демидовой, в одном была твердая уверенность – это не классический детектив, о расследовании которого я мечтала. Улица Нагорная, в конце которой городская свалка... Впрочем, это не имело никакого значения. Расследование убийств никогда не было скучным.

Я включила телевизор, но фильм закончился, ни на одном канале не нашлось больше ничего интересного. Мечтать уже не хотелось, а было дикое желание поскорее узнать обстоятельства убийства, расследовать которое меня наняли. В общем, я решила бросить магические двенадцатигранники, дабы они пролили свет на то, что меня ожидает завтра. «Косточки» выдали результат: 17+6+30. Такое сочетание чисел уже как-то встречалось, и я извлекла из глубин своей памяти его значение: «Упорство – чудесная вещь: оно может сдвинуть горы. Законным основанием упорства должна быть уверенность в себе».

Закурив, я подумала о том, что магические «косточки» могут хоть каждый день выдавать мне такой ответ, потому что моей уверенности хватит на двоих.

Без ложной скромности, я чувствую себя асом во многих областях. Правда, этого не скажешь о ведении домашнего хозяйства. Однако согласитесь, каждый должен заниматься своим делом. Кулинария – не мой конек, но, как сказал классик, кушать хочется всегда. Вот и сейчас я отправилась на кухню, чтобы приготовить что-нибудь на скорую руку. По-

ставив на плиту кастрюлю с водой, я достала из подвешного шкафа упаковку макарон «Макфа», похвалив себя при этом за удачное решение. Ведь они готовятся всего несколько минут, не развариваются и есть их можно сколько угодно – не растолстеешь, и вкусно, даже без каких-нибудь котлет. Дождавшись, когда закипит вода, я опустила в нее макароны. Пока они варились, достала из холодильника любимый соус. А спустя пять минут уже с удовольствием уплетала свой ужин.

## ГЛАВА 2

Нужный дом по улице Нагорной стоял недалеко от трамвайной линии, и я даже посочувствовала его жителям – грохот железных колес, движущихся по рельсам, наверняка не доставлял им удовольствия. Остановившись около первого подъезда, я вышла из машины и почувствовала на себе пристальный взгляд старушек, с утра пораньше уже сидящих на лавочке. Кажется, они до моего появления оживленно обсуждали что-то и вдруг замолчали, точно все разом прикусили языки. «Неужели я так экстравагантно выгляжу, что эти старые перечницы потеряли дар речи? Наверное, по их мнению, юбка слишком коротка, а вырез блузки чересчур глубокий, но, по-моему, все в меру. Не стоит обращать на них внимание», – подумала я, с достоинством продефилировав мимо старушенций.

Металлическая подъездная дверь была распахнута настежь – вместо кодового замка зияла узкая сквозная щель. Я зашла в подъезд и вызвала лифт. Пока ждала его, мой взгляд успел наткнуться на непристойное слово на стене и на кучу «бычков» на полочке около второй квартиры. В тот момент, когда передо мной распахнулись створки лифта, в подъезд вбежала девушка лет семнадцати-восемнадцати, но, заметив меня, она в жутком испуге отпрянула назад, будто увидела во мне монстра. Войдя в лифт, я немного подождала ее, но

потом поняла, что напрасно теряю время, нажала на кнопку восьмого этажа и поехала наверх одна. На всякий случай, я достала из сумки пудреницу и взглянула на себя в зеркальце – ничего страшного или странного на своем лице не обнаружила, поэтому реакция, которую моя персона вызывала у местных жителей, осталась для меня загадкой.

Алексей Евгеньевич, который открыл мне дверь после звонка, отреагировал на мое появление совершенно нормально, значит, с моей внешностью было все в порядке, и я сразу же забыла и про старушек, и про девчонку.

А вот сам Демидов выглядел неважно – взъерошенные русые волосы, красные от недосыпания глаза, мятая клетчатая рубашка с короткими рукавами и трико, обвисшее на коленках. В общем, внешний вид клиента меня разочаровал. Даже появилось сомнение в том, что он в состоянии оплатить мои услуги.

– Нет-нет, не разувайтесь, проходите сюда, пожалуйста. Я как раз только что закончил работу над материалами, – Алексей кивнул головой в сторону бумаг, лежащих на столе рядом с компьютером, и мне стало понятно, что вчера речь шла не о поиске денег, а о каком-то другом деле.

– Что это? – не без интереса спросила я, взяв в руки один листок.

– Это материалы, которые могут помочь вам в расследовании. Я вчера допоздна над ними работал, почти до трех ночи и сегодня встал рано... В милиции это все есть, вот мне и по-

казалось, что вам тоже не помешает иметь список с краткой характеристикой и план, – Демидов показал рукой на другие бумаги, лежащие на столе. Заметив легкое недоумение на моем лице, он спросил: – Я что-то не так сделал? Слишком коротко, да? Если у вас возникнут вопросы, то я постараюсь вспомнить что-то еще... Нет, не в этом дело? Наверное, надо сначала заплатить? Сейчас, подождите минуточку. Так, куда же я их положил? Ах, да, вспомнил! Деньги у Артема в шкафу.

Клиент отлучился в комнату сына, а я бегло взглянула на его «научные» труды, но не смогла из них понять, что же именно случилось с его женой. Ясно было только одно: в моих руках находился список подозреваемых в убийстве Ксении, причем таковых было слишком много. Уже после того, как список был отпечатан, Демидов сделал шариковой ручкой пометки на полях о том, на кого мне следует обратить особое внимание. «Странный товарищ, – подумала я. – Ни слова не сказал о том, где и как была убита его жена, но подготовил эти „простыни“. И вообще, куда же он так надолго запропастился?»

Пока Демидов искал свои денежные сбережения, я стала от скуки рассматривать комнату. Арка, стенная ниша и лепнина на потолке стилизовали ее под старинную гостиную, но судя по обстановке, это была еще и спальня, и кабинет. Что ж, в двухкомнатной квартире особо не развернешься, поэтому приходится кое-что совмещать. То ли дело особняки!

Таня, спустись на землю! Этот детектив далек от твоей мечты.

– Вот деньги, – Алексей вернулся в комнату и веером разложил на столе четыре стодолларовые купюры. – Столько хватит?

– Здесь ровно на два дня работы.

– Да? – Демидов округлил глаза. Вероятно, он думал, что заплатил мне, по меньшей мере, за неделю вперед. Между нами возникла некоторая напряженность, я даже подумала о том, что сделка не состоится. – Здесь все наши сбережения, понимаете – пришлось на похороны потратиться... Хорошо, на два, так на два. Убийцу надо найти! Если понадобится еще, то я займу у кого-нибудь или продам что-нибудь. Берите!

Я не притронулась к деньгам, а опустилась в крутящееся кресло, около которого стояла, чуть развернувшись и вскинула взгляд на Демидова:

– Алексей, вы еще ничего не сказали мне о том, при каких обстоятельствах была убита ваша жена.

– Разве?

– Давайте все-таки начнем с того, что вы мне расскажете – где и кто обнаружил труп, а с деньгами и с этими бумагами потом будем разбираться.

– Труп, – меланхолично повторил вдовец. – Я не могу до конца осознать, что Ксении больше нет. Какое жестокое холодное слово – «труп»...

Я могла бы сказать иначе – «тело», но суть от этого не изменилась бы. Мне, прежде всего, необходимо было знать, при каких обстоятельствах погибла Ксения.

– Неужели я вчера по телефону ничего не сказал вам? – Демидов сконфуженно почесал затылок. – Простите, я так волновался. Вот идиот! Вы совсем ничего не знаете, а я вам сразу эти списки даю. Знаете, с бумагой как-то легче общаться, вот я и постарался там все осветить. Думал, так лучше будет.

– Понимаю, что вам тяжело об этом говорить, но все-таки прошу вас рассказать мне все с самого начала.

– Да, конечно, сейчас, – клиент уселся на диван, разинул рот, но не произнес ни звука.

Затем он закрыл руками лицо, будто пытался спрятать от меня наворачнувшиеся на глаза слезы. Все это казалось каким-то наигранным. Пауза длилась неприлично долго, угрюмая молчаливость клиента стала меня беспокоить, и я позвала его:

– Алексей Евгеньевич, ау!

– А, да, сейчас, – Демидов попытался взять себя в руки, но сказал сдавленным голосом: – Простите, я до сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что Ксюши больше нет. Мне непонятно, за что ее убили, у кого поднялась на нее рука? Знаете, меня, как серная кислота, разъедает изнутри болезненное чувство вины. Если бы я был рядом с ней, то, возможно, ничего бы и не случилось. Нас всего-то разделяло минут де-

сять-пятнадцать, но Артем говорит, что нас могли бы убить обоих... Возможно, он прав.

– Артем – это ваш сын, да? Где он сейчас?

– В больнице у бабушки. Людмила Михайловна не знает, что ее дочь умерла, мы скрываем это от нее. В тот день мы с Ксенией как раз вернулись от нее из больницы, – Демидов тяжело вздохнул, потер рукой лоб и продолжил: – У моей тещи случился гипертонический криз, и ее увезла «Скорая». Тесть позвонил Ксюше на работу, а она сразу же перезвонила мне... Знаете, Людмила Михайловна – удивительный человек, мы сразу же все бросили и поехали к ней...

Все, о чем говорил далее Алексей, было похоже на затянувшийся монолог с очень длинным вступлением. Демидов периодически задавал сам себе философские вопросы о смысле жизни и о том, почему к одним людям судьба благосклонна, а к другим жестокосердна. Естественно, он не знал на них ответа, поэтому, немного поразмышляв вслух, продолжал свое повествование дальше. Я очень многое узнала о теще Алексея, о том, как он познакомился с Ксенией, об Артеме, но до самого главного дела никак не доходило. Временами мне даже казалось, что никакого убийства не было, что человек, сидящий передо мной, просто не в себе и ему требуется помощь психиатра.

– Алексей, не пора ли перейти к самой сути? – в очередной раз поторопила я, с трудом вклинившись в его словесный поток.

– Да, да, сейчас, – вдовец кивнул головой и продолжил: – Я притормозил у торца дома, Ксения спросила: скоро ли я приду? Я ответил, что надо проверить плотность аккумулятора, а то машина стала плохо заводиться. Ксюша вышла из «Нивы» и пошла домой одна, а я собирался поехать в гараж, он здесь недалеко. Знаете, мне очень повезло с гаражом...

– Не надо про гараж! – взмолилась я. – Ближе к делу, пожалуйста.

– Хорошо, – сказал Алексей, но снова стал говорить не о том.

Голос Демидова обладал снотворно-расслабляющим эффектом, и все эти малоинтересные подробности, которые я слышала из уст клиента, вызывали у меня зевоту. Мне с трудом приходилось ее сдерживать.

– ...Кажется, я сбился с мысли... Так вот, я собирался поставить машину в гараж, но тут меня окликнул Кирилл. Он живет в этом же доме, но в третьем подъезде. Мы с ним приятели – по работе связаны, на рыбалку иногда вместе ездим, – Алексей, вероятно, заметил недовольство на моем лице и стал оправдываться: – Татьяна Александровна, поверьте мне – это важно. Мы поговорили с Кириллом о том, о сем, минут десять говорили, самое большее пятнадцать, а потом он сказал, что ему нужны прайсы на ламинат... Знаете, я совсем недавно занялся бизнесом. У меня магазин строительных материалов, но в тот момент с собой никаких документов не оказалось, потому что пришлось неожиданно сорвать-

ся с работы...

«Нет, это уже переходит все границы! Он когда-нибудь дойдет до сути или нет? Битый час морочит мне голову. Сейчас еще начнет про ламинат рассказывать, – я снова хотела поторопить Демидова, но подумала, что он может опять потерять нить своих размышлений, поэтому промолчала. – Потерпи, Таня, наверное, кульминация уже скоро».

– Я сказал Кириллу, что могу вынуть прайс-лист со своего домашнего компьютера, и мы пошли ко мне. На скамейке сидела Наташа Шевцова из десятой квартиры с коляской, мы поздоровались с ней, зашли в подъезд... Я нажал на кнопку лифта, он сразу же открылся, – Демидова вдруг начало трясти, как в лихорадке. Прежде чем он продолжил рассказ, прошло еще минуты две, за которые я бог весть что передумала. – В лифте была Ксения с ножом в сердце. Сначала меня точно парализовало, глаза отказывались верить, что это моя Ксюша. Кирилл что-то сказал мне, и меня точно пронзило электрическим током. Я закричал, рванулся к ней, но Кирилл силой меня остановил. Он убеждал меня, что Ксения точно мертва, ей уже ничем не поможешь, а в лифте могут быть отпечатки пальцев убийцы и его следы. Татьяна Александровна, вы не представляете, как это ужасно! У нее были открыты глаза, в них застыл ужас. Вся кофточка в крови... Кажется, я кричал, звал на помощь... Около нас собрались люди, вызвали милицию. Она приехала быстро. Подъезд был блокирован...

Наконец-то мне стало ясно, почему мое появление заставило старушек замолчать, а девушку испугаться и не входить в лифт с незнакомкой, то есть со мной. Из-за убийства в лифте они стали бдительными.

– Вы говорили, что кого-то задержали, а потом выпустили...

– Да, на втором этаже живет Санек Полежаев, наркоман. У него как раз дружки дома были, вот всю их компанию и задержали, а потом выпустили. У одного из них отец в администрации Трубного района работает, наверное, он и поспособствовал освобождению. Вы как думаете, Татьяна Александровна?

– Я думаю, если бы против кого-нибудь были прямые улики, то вряд ли бы его выпустили. Скажите, у Ксении что-нибудь похитили?

– Да, с ее шеи сорвали золотую цепочку с кулоном.

– Что за кулон?

– Золотое сердечко. Так, ничего особенного. На ней были и другие драгоценности: серьги, обручальное кольцо и перстень, но их не тронули. Деньги тоже оказались на месте, в сумочке. Конечно, там не так много было, рублей двести с мелочью, но ведь бывает, что и за меньшее убивают.

– А были ли следы насилия и борьбы – порванная одежда, ссадины?

– Только красный след на шее от цепочки и смертельная рана в самое сердце. Я уверен, что Ксения не могла войти в

лифт с незнакомым человеком. Значит, ее убил кто-то свой, но за что? – Алексей снова закрыл лицо руками и несколько минут так и сидел, отгородившись от меня.

Периодически он всхлипывал, что-то бубнил себе под нос, словно забыл о моем присутствии. Мне снова показалось это каким-то театральным. Впрочем, каждый по-своему переживает смерть близкого человека. Мне доводилось видеть и не такое.

– Так, Алексей, теперь кое-что прояснилось, – я решила прервать затянувшуюся паузу, развернулась на скрипящем кресле к столу и вновь взяла распечатки. – Если не ошибаюсь, то это список жильцов вашего подъезда с указанием того, кто из них на момент убийства был дома. Вы действительно трудились не зря. Но давайте пока поговорим без этих бумаг. Скажите, преступник не мог уйти через чердак?

– Исключено. Выход на чердак в нашем подъезде намертво заварен, – сказал Демидов, открывая лицо.

– Понятно, но это еще не убеждает, что преступник остался в доме, – я стала размышлять вслух, но клиент меня прервал:

– То есть как это? Куда же он тогда делся?

– С первого и со второго этажей можно легко выпрыгнуть в окно или с балкона, лоджии.

– Милиция этим вопросом тоже задавалась. На окнах первого этажа – решетки, а со второго, – Демидов призадумался, – теоретически возможно, но практически никто не по-

кидал дома таким способом. Татьяна, можно я буду называть вас без отчества?

– Конечно.

– За те десять-пятнадцать минут, что я разговаривал с Кириллом, никто этого не делал.

– Но вы ведь не могли видеть окна со всех сторон дома!

– Да, мы с Кириллом стояли с торца здания. Наташа Шевцова, как я вам уже говорил, сидела около подъезда. Она утверждает, что после Ксении туда зашла только Лидия Степановна из первой квартиры, но никто дома не покидал ни через подъезд, ни иным способом. Остается та сторона, что выходит на трамвайные пути, – Демидов махнул рукой в сторону окна, – но там Семен Федотович из второго подъезда ремонтировал машину, и если бы кто-нибудь прыгнул со второго или третьего этажа, он бы это заметил. А на первом все окна в металлических решетках, – повторил Демидов. – Значит, убийца остался в доме.

– Алексей, я не обратила внимания на то, как располагаются в вашем доме лоджии, они ведь только с одной стороны дома, да?

– Да, во двор выходят балконы, а на улицу – лоджии.

– Знаете, мне доводилось бывать в панельных девятиэтажках, где длинные смежные лоджии проходят вдоль четырех квартир двух подъездов. Они разделяются лишь легкими фанерными перегородками...

– Нет, у нас не такая планировка, здесь через лоджию не

попадешь к соседям из другого подъезда. Вы возьмите план, посмотрите!

– Зачем же мне план? – Я повернулась к окну и привстала.

– А хотите, выйдите на лоджию! – Алексей вскочил с дивана и распахнул дверь. – Простите, что предложил вам план, когда можно выйти на лоджию. Смешно, правда?

Я улыбнулась и поднялась с кресла.

Лоджия была застеклена, но одна рама оказалась открытой настежь, поэтому я наклонилась и выглянула наружу. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять – перелезть отсюда можно куда угодно, но вряд ли среди белого дня это осталось бы незамеченным, потому что в момент убийства кто-то ремонтировал под окнами машину. К тому же прямо напротив дома была трамвайная остановка, на которой постоянно толпится народ, и «альпинист» не мог не привлечь к себе внимания. «Если преступник решил таким образом „делать ноги“, то он очень рисковал обратить на себя любопытные взоры, – подумала я, закурив. – Пожалуй, Демидов прав – убийца остался в подъезде, и, чтобы его вычислить, нужно понять мотив, который им двигал. Если это чистый грабеж, то почему, кроме цепочки, он не взял другие драгоценности и деньги? Что-то спугнуло? Вполне возможно. Еще в лифтах насилуют, но, как правило, насильники действуют не в своих домах».

– Ну что, убедились в том, что вылезти отсюда невозможно? – Алексей прервал мои размышления. – Видите, на-

сколько вперед выступает боковая стенка лоджии по сравнению с основной стеной дома? Потом отливы на наших окнах такие маленькие. Вот сейчас дома строят, там совсем другие отливы...

– Да, Алексей, вы меня, пожалуй, убедили. Скорее всего, преступник остался в доме.

– Но на все сто процентов вы все-таки не уверены?

– Где-то на девяносто, – сказала я, потушив сигарету, после чего выбросила окурков на улицу. – Вероятно, преступник остался в замкнутом пространстве вашего подъезда. Но вы сказали, что на ваш крик у лифта появились какие-то люди. Может быть, преступник воспользовался моментом замешательства и незаметно вышел? Если это жилец, то на него просто могли не обратить внимания.

– Это исключено. Кирилл бывший пограничник, он следил за дверью – первой Наташа забежала, потом Лидия Степановна из квартиры вышла, ее муж выехал на кресле-каталке. Он-то и вызвал милицию по радиотелефону.

– Расскажите мне, пожалуйста, как действовала оперативная группа.

– В каком смысле?

– В смысле поквартирного обхода. Может быть, где-то не открыли дверь, и потому опера побывали не во всех квартирах.

– Вообще-то, обо всем подробно я там написал: в каких квартирах побывали ребята из угрозыска, а в каких нет. Мо-

гу добавить только то, что милиция приехала с собакой, с немецкой овчаркой, но она не взяла след. Оказалось, что при входе в подъезд красный молотый перец был рассыпан, она сразу же потеряла нюх, совершенно перестала слушаться хозяина, и ее обратно в машину посадили. Ну что еще сказать, – Алексей развел руками. – Конечно, милиция побывала не во всех квартирах. В некоторых просто-напросто никто не живет. Но ведь там никого и не могло быть, правда?

– Это как сказать. Проверить бы не мешало.

– Ксению убили примерно в половине четвертого, а милиция здесь до позднего вечера была. Сначала обошли те квартиры, в которых кто-то был, а потом ждали, когда остальные жильцы с работы вернутся. Заходили к ним и проверяли – нет ли там кого еще? Во все шкафы заглядывали, на лоджии и балконы выходили...

Такого конкретного ответа от Демидова я не ожидала, поэтому спросила:

– Вы что же с ними ходили по всем квартирам?

– Нет, но здесь они тоже с пристрастием каждый угол проверяли, будто убийца мог спрятаться в нашей квартире. Это просто абсурд какой-то! Потом соседи о многих деталях мне рассказали... На поминках только об этом и говорили.

– Понятно. Значит, кроме наркоманов никто у сотрудников милиции подозрения не вызвал?

– Наверное, нет. Посторонних мало тут было. Я обо всех там написал, – Алексей показал на свои распечатки, упорно

настаивая на том, чтобы я занялась изучением его материалов, но у меня было к нему еще много других вопросов.

– Да, я обязательно самым пристальным образом изучу весь этот список, но меня интересуют и другие аспекты.

– Какие? – Демидов посмотрел на меня с готовностью ответить на любой вопрос. – Спрашивайте.

– Вы давно в этом доме живете?

– С восемьдесят девятого года. Как его сдали, так мы и заселились. Этот дом биохимический завод строил для своих работников. Квартиры небольшие, но жилье получили все нуждающиеся. Мой отец на заводе инженером работал. Сначала здесь только заводские жили, а потом потихоньку менять да продавать квартиры стали... Полежаевы как раз из новеньких – примерно год назад вселились, так с тех пор и начались пьянки в подъезде. Сидят на ступеньках, в карты играют, анекдоты травят... Наши активисты на них участковому не раз жаловались, только все без толку.

– А Ксения случайно не из активистов была?

– Ну что вы! – замахал руками Демидов. – Такими делами пенсионеры занимаются, а нам не до этого – с утра пораньше ушли на работу, вечером пришли.

– А где Ксения работала?

– В пенсионном фонде Октябрьского района, инспектором.

– Скажите, а ваш сын Артем с Полежаевым и его компанией общается?

– Нет, что вы! Ему только четырнадцать, а тем около двадцати. Артем у нас мальчик серьезный, плаванием занимается. Вам показать его дипломы и награды?

– Не сейчас. Скажите, а не было ли у вашей жены или у вас лично конфликта с кем-нибудь из соседей?

– Нет, Ксения жила в согласии со всем миром, – Демидов встретился с моим скептическим взглядом и поправился: – Пусть не со всем миром, а только с той его частью, которая ее окружала. Знаете, Ксении не нравилось привлекать к себе внимание, она была очень скромной. Переходить кому-то дорогу было не в ее характере.

– А если все-таки хорошенько подумать, может быть...

– В последнее время я только об этом и думаю, но ничего такого не могу припомнить.

Оказалось, что он все-таки думал, а мне показалось, что Демидов пребывал в полнейшей растерянности! Вот и теперь он снова схватился за голову обеими руками и что-то бубнил себе под нос.

– Простите, я не расслышала, что вы сказали?

– Ничего особенного. Это просто мысли вслух. Мне кажется, что все-таки это дело рук Санька и его дружков. Они были обкурены, поэтому не отдавали себе отчета в том, что творят. Наверное, им нужны были деньги на наркоту, вот и сорвали цепочку, а остальное взять не успели или испугались чего.

– Я так полагаю, что отпечатки на ноже, если, конечно, та-

ковые были, не совпали с пальчиками задержанных, да и цепочку у них не нашли, иначе бы вам предъявили ее для опознания. Раз выпустили, значит, зацепиться было не за что. Убийство – это очень серьезно, не то что какое-нибудь хулиганство. Это дело обязательно на контроле у прокуратуры, и при наличии мало-мальских, даже косвенных доказательств через двое суток и под подписку не выпустят. Если предположить, что вмешался родитель одного из ребят, то своего бы сына он, может быть, и отмазал, но остальные погрязли бы по уши. На них бы повесили всех собак.

– Наверное, вы правы. Но ведь они же могли чисто сработать, не оставить никаких улик?

– Могли, но думаю, что их бы непременно раскололи. Наркоманы – люди зависимые, за дозу мать родную продадут. Сколько их было?

– Трое, там написано.

– Трое – это много. То, что известно одному, еще может остаться тайной, а вот то, что знают двое...

– Знает весь мир, – продолжил Демидов. – Я помню эту пословицу.

– А уж троих поймать на лжи или взять на понт тем более легко.

– Больше и подозревать-то некого, в тот момент дома в основном старики, женщины и дети были, да еще одна влюбленная парочка. Но они точно не имеют к этому отношения, – Демидов смущенно улыбнулся.

– Кого вы имеете в виду? Расскажите о них поподробней.

– На нашем этаже, в тридцатой квартире, живут Евстюхины, муж с женой. Несколько лет назад у них сын умер, ровесник нашего Артема, утонул в Волге, после того случая Иван замкнутым стал, угрюмым, да и Тамара ходила поникшая. Я их теперь хорошо понимаю... А тут оказывается, что у Тамары есть молодой любовник. Когда милиция поквартирный обход делала, подняла их прямо тепленьких с постели. Представляете, свечи горели, лепестки роз рассыпаны были... Иван из командировки приедет, вот ему сюрприз будет!

– Да, пикантная ситуация. Вы упомянули о ней в своем отчете?

– А разве не надо было? Я похож на сплетника, да? – Демидов густо покраснел. – Просто я старался быть объективным. Ивану, мужу Тамары, конечно, ничего об этом не расскажу.

– Алексей, не надо оправдываться. Вы все правильно сделали. Пожалуй, мы пока на этом с вами расстанемся, подошло время подробно изучить ваши материалы, – сказала я и взяла со стола деньги, а потом компьютерные распечатки.

– Как, разве вы прямо сейчас не будете встречаться с людьми? Я поэтому вас к себе и пригласил, чтобы вам удобней было.

«Вот чудак! – подумала я. – Наверное, он считает, что я стала бы ходить по всем квартирам подряд, представляться частным детективом и задавать каждому вопрос в лоб: это не

вы убили Ксению? Опергруппа действовала примерно так, но даже по горячим следам убийцу не нашла. Спустя пять дней такие методы работы совсем не актуальны. Не удивлюсь, если уже все соседи в курсе того, что он нанял меня». Судя по недоумению на лице Демидова, он был поражен и разочарован, поэтому мне пришлось объясниться.

– Для начала я должна все осмыслить. Думаю, что вашим соседям уже разговоры с милицией надоели, и если кто-то хотел что-то скрыть, то он имел возможность придумать любую правдоподобную историю, отшлифовав в ней все острые углы, так что мне надо искать нестандартный подход к каждому, кто вызовет у меня подозрения. Ваши материалы мне как раз для этого и пригодятся.

– Тогда не смею вас задерживать, – сказал недовольно клиент.

– Да, еще один вопрос, – вдруг спохватилась я уже на пороге квартиры. – Скажите, давно ли исчез кодовый замок с подъездной двери?

– Я точно не помню. Может, месяца два назад. Это как раз полежаевские дружки постарались. Кто-то из них не знал кода и сломал замок.

– Вы твердо уверены, что это сделал кто-то из приятелей Полежаева?

Демидов смутился и сказал, опустив глаза вниз:

– Не уверен, но так люди говорят.

– Понятно. Ну что ж, Алексей, я пойду. Обещаю держать

вас в курсе своего расследования.

– Хорошо, – кивнул головой Демидов. – Вот, возьмите мою визитку, там номера мобильного и домашнего телефонов указаны.

Я внимательно посмотрела на визитную карточку, кивнула головой и убрала ее в сумку, потом развернулась к двери. Демидов стал открывать замок.

– До свидания, – сказал он первым.

– Я вам сегодня вечером позвоню, – ответила я и вышла из квартиры.

## ГЛАВА 3

Горящая красная кнопка свидетельствовала о том, что лифт занят. Я решила спуститься на первый этаж пешком, может быть, что-то интересное бросится в глаза. Правда, сначала поднялась наверх и убедилась в том, что квадратный люк чердака действительно заварен. Затем стала спускаться вниз.

На шестом этаже была опечатана квартира, находящаяся через этаж под той, в которой жил мой клиент. Разумеется, я не могла не остановиться и внимательно не рассмотреть пломбу. Дата, написанная от руки на маленьком клочке бумаги, говорила о том, что доступ в двадцать четвертую квартиру был прекращен восемнадцатого марта, то есть около трех месяцев назад.

«Таня, а не кажется ли тебе, что это удобное местечко для того, чтобы спрятаться от милиции? – спросила я себя и тут же ответила: – Кажется. И меня нисколько не смущает, что пломба не нарушена. При желании подделать ее ничего не стоит. Возможно, опера думали точно так же, но они не могли действовать против закона. Им обязательно была нужна санкция прокурора, чтобы войти в опечатанную квартиру. Почему же они ее не получили и не проверили – не было ли там кого? Пожалуй, надо исправить эту ошибку. И я смогу это сделать своими методами и без всякого разрешения, но

не сейчас, а немного позже».

Едва я шагнула к лестнице, как чуть приоткрылась соседняя дверь.

– Здравствуйте, – сказала мне пожилая женщина, в которой я узнала ту, что утром сидела на скамейке у подъезда. Теперь она была уже без шелкового платка на голове, но все в том же пестреньком ситцевом халате, поверх которого был надет льняной фартук с вышивкой. – Вы, наверное, и есть частный детектив?

– Да. Вы хотите со мной поговорить?

– Хочу, – бодро ответила бабуля, потом вдруг потупила взгляд и спросила: – У вас документик имеется? Знаете: доверяй, но проверяй.

– Все правильно, – я показала бдительной старушенции лицензию, и она впустила меня в свою квартиру. – А как вы догадались о том, кто я такая?

– Так это Анатолий, мой зять, посоветовал Алексею обратиться к тебе, а ему кто-то на работе дал твой адрес. Ну, надо же – такая молодая, и частный детектив, – сказала жительница двадцать третьей квартиры, переходя на «ты» и с любопытством оглядывая меня с ног до головы. – Муж-то у тебя есть?

– Это не относится к делу.

– Значит, нет, – сделала вывод пенсионерка.

Приглашения пройти в комнату я не получила, поэтому спросила прямо у порога:

– Вы хотите мне что-то сказать по поводу убийства Ксении Демидовой?

– Дочка, убийцу непременно надо найти! – приложив руку к сердцу, сказала бабуля. – Мы же все боимся теперь в лифте ездить, а пешком ходить тяжело. Какое жестокое нынче поколение растет!

– Вообще-то, люди убивали друг друга во все времена, начиная с сотворения мира, – заметила я, рискуя потерять расположение свидетельницы. – У вас есть для меня какая-нибудь конкретная информация?

– Я вот видела в «глазок», что ты соседской квартирой интересуешься. Пустое! Там нет никого и не может быть, потому как она опечатана, – рассудительно заметила бабуля, в ее голосе так и сквозила твердая убежденность в своей правоте. – Да, там убийцу искать без толку – она опечатана. Продать ее хотели незаконно, вот теперь судебное разбирательство идет. Жила там одна женщина, в моем возрасте. Умерла, а сын, пока она болела, носа сюда не казал, а потом на себя все быстренько оформил и почти продал квартиру. Но у Нины Тимофеевны еще дочка есть, в Сибири живет, ребеночка родила и не смогла на похороны приехать, а теперь с братом судится за наследство.

– С этой квартирой все ясно, а вот по поводу убийства Ксении вы можете что-либо сказать?

– А что тут скажешь? Жалко бедняжку, и Алексея жалко, и Артема. Очень порядочная, можно сказать, идеаль-

ная семья была. Знаете, у них была редкостная способность, несмотря ни на что, жить счастливо, это со стороны сразу видно, – старушка тяжело вздохнула.

– Что значит – несмотря ни на что? У Демидовых все-таки были какие-то проблемы?

– Да какие там проблемы! Все житейское. Алексея на заводе сократили, он долго работу не мог найти, потом свой бизнес организовал. Только материальное благополучие наладилось, так новое горе, – женщина вытерла выкатившуюся из правого глаза слезу. – Когда это произошло, меня дома не было, я в поликлинику ходила, к эндокринологу. Возвращаюсь, смотрю – милиции полон двор, меня в подъезд не пускают, даже паспорт потребовали, но у меня с собой только «пенсионка» была. Со мной в квартиру вошли, все обыскали здесь, аж на антресоли лазали... Потом Ира, дочка моя, пришла с работы, за ней зять. У них тоже документы проверяли.

– Больше вы ничего не можете добавить?

– Так сразу и необразишь.

– Тогда я, пожалуй, пойду.

– Постойте, я могу вам сказать, кто в то время дома был.

Это ведь вас интересует?

– Алексей Евгеньевич уже посвятил меня в это.

– Ну да, ну да, – по лицу пенсионерки было видно, что она разочарована моей осведомленностью на этот счет.

Кроме того, мне показалось, что она все-таки что-то знает, но не решается рассказать.

– Наверное, у вас есть своя собственная версия по поводу убийства Ксении? – спросила я как можно мягче.

– Есть, правда, я ни в чем не уверена, – бабуля перешла на заговорщицкий шепоток. – В тридцать третьей квартиранты живут, лица кавказской национальности. Семья вроде бы порядочная, трое детей, но к ним много таких же кавказцев ходит... Что у них на уме – неизвестно. А если тебе кто-то скажет, что это Полежаев из пятой квартиры, не верь. Санек парень хороший, добрый, уважительный, всегда со мной здороваюсь, как-то помог сумки тяжелые донести, лифт у нас тогда не работал. Вот, собственно, и все.

– Спасибо за информацию. Больше вы ничего не хотите добавить?

– Нет.

– Тогда я пойду. До свидания.

Общение с одной из «активисток» дало кое-какие результаты. Квартирантов из тридцать третьей квартиры стоило взять на «крючок». Однако разубедить меня в том, что преступник мог скрыться за опечатанной дверью, старушенция не смогла. Возможно, именно там он отсиделся, пока менты не уехали, поэтому проверить двадцать четвертую квартиру совсем не мешало. «А что, если спуститься на тресе с демидовской лоджии на лоджию этой квартиры? – подумала я. – Надо будет посмотреть с улицы – застеклена она или нет».

Я немного постояла около опечатанной двери и стала спускаться вниз. Кроме мусора на лестничных площадках и

маршах, больше ничего не было.

Когда я спустилась на первый этаж, лифт был там. На всякий случай осмотрела кабинку, но разве спустя пять дней после убийства там могли остаться какие-нибудь следы? Конечно же, нет, и если преступник что-то и оставил, то оперативники наверняка это заметили. Я подумала о том, что надо будет получить доступ к уголовному делу, а пока попыталась представить себе трагическую сцену убийства. Мне показалось, что преступник, скорее всего, неожиданно спустился по лестнице сверху, зашел в лифт после Ксении для того, чтобы ограбить или изнасиловать ее. Если это сексуальный маньяк, то ему было абсолютно все равно, что это за женщина, он не ждал кого-то конкретно, а просто воспользовался подходящим моментом. Когда Ксения оказала решительное сопротивление, он ее убил.

Немного подумав, я выдвинула другую версию – преступнику нужна была именно Демидова, и он, возможно, ждал ее на восьмом этаже – когда дверцы раскрылись, он не дал ей выйти, сам зашел в лифт, а после того, как нанес ей смертельный удар, вышел, отправив лифт на первый этаж. Такое могло произойти только в том случае, если он точно знал, когда Ксения вернется домой, поэтому эта версия показалась мне маловероятной, ведь она возвратилась не тогда, когда обычно приходит с работы, а намного раньше, причем вполне могла подняться наверх вдвоем, с мужем.

Я вышла на улицу, но продолжала размышлять, огляды-

вая дом и его окрестности: «Допустим, убийца случайно увидел в окно, что Ксения зашла в подъезд одна, а поскольку давно хотел ее... пожалуй, конкретно утверждать, что именно он от нее хотел, пока рано, то мгновенно сориентировался, подкараулил ее и после нескольких минут общения ударил ножом, а цепочку сорвал для отвода глаз, чтобы сбить следствие с толку. Нет, такую версию можно принять только с очень большими натяжками. Судя по всему, преступник действовал не спонтанно, а очень хорошо подготовился и к преступлению, и к своему отходу, иначе его бы сразу взяли. Красный перец наверняка не случайно был рассыпан при входе. Лишить служебную собаку нюха – это очень умно, в находчивости преступника сомневаться не приходится».

С другой стороны дома я поискала глазами лоджию опечатанной квартиры. «Если там никого не было целых три месяца, то пол будет покрыт солидным слоем пыли, а если на этой неделе там кто-то побывал, то он наверняка оставил после себя следы. Пожалуй, сегодня же ночью я поиграю в человека-паука», – приняв такое решение, я пошла к машине.

Впрочем, мои планы на сегодняшнюю ночь не означали, что я не собираюсь искать преступника в других квартирах. Гадальные кости предвещали мне, что новое расследование потребует упорной и кропотливой работы. Так оно и выходило. Мне предстояло просеять всех, кто в момент убийства находился в этом доме, с первой квартиры по тридцать шестую, ведь теоретически убийцей мог оказаться каждый из

них. «Научные труды» вдовца обещали дать много пищи для размышлений.

Вот ирония судьбы – еще вчера мечтала о расследовании преступления с ограниченным кругом подозреваемых и сегодня получила его, но в каком извращенном виде! Вместо фешенебельного особняка с колоннами, огромной гостиной и мраморной лестницей, ведущей к хозяйским спальням и комнатам для гостей, целый подъезд девятиэтажки, где на стенах нацарапаны нецензурные слова, полы оплеваны и загажены, где тридцать шесть квартир «совковой» планировки с проходными комнатами и маленькими кухнями. Такие малогабаритные квартиры – для многих приговор на всю жизнь. Давят эти стены на некоторых, давят, вот они и выплескивают свои отрицательные эмоции наружу. Там, где живут, там и сорят, там и убивают. Словом, чисто русское убийство в лифте. Много подозреваемых, но упорство поможет горы свернуть. Дерзай, Таня, дерзай! А мечтать, как говорится, не вредно...

## ГЛАВА 4

Из курса психологии, который изучала в академии права, я помнила, что по способу передачи информации существуют разные типы людей. Одни могут коротко и ясно излагать свои мысли вслух, но испытывают затруднения с их письменным оформлением. Другие часами льют воду, толкут ее в ступе, подбираясь к существу вопроса издали, временами забывая, о чем, собственно, хотят рассказать, и при этом еще получают удовольствие от собственного красноречия, а на бумаге, напротив, пишут сухо, сжато и по существу. К последнему типу я и отнесла Алексея. Наверное, он знал эту свою особенность и, будучи заинтересованным в том, чтобы я получила от него больше полезной информации, подготовил материал о жителях подъезда.

Теперь, когда я знала суть дела, разобраться в «научных трудах» Демидова было легче, не то что тогда, когда впервые заглянула в них. Ему было известно поразительно много о своих соседях. Такая чрезмерная осведомленность настораживала. Если бы меня попросили составить краткое досье на всех моих соседей, то я не смогла бы сделать это. Стыдно признаться, но я не знала по именам всех, кто рядом со мной живет, а тем более, кто где работает и бывает ли днем дома. Зашла в подъезд, села в лифт, вышла из лифта, вошла в квартиру, и все на этом. А вот Алексей почему-то все и

обо всех знал, будто не оплакивал погибшую жену, а ходил с оперативниками по квартирам с листком бумаги и записывал все данные.

Я наугад ткнула пальцем и попала в пятнадцатую квартиру. Там проживала Михеева Вера Петровна, которая находилась дома, потому что у нее был выходной, а работала она в магазине по неделям. «Что ж, Вера Петровна, по мнению вдовца, вы были у себя дома по уважительной причине, – усмехнулась я. – Ладно, еще раз попробую наугад... Квартира тридцать четыре. Здесь в момент убийства были Таня и Наташа Бондаревы, школьницы. Шестой и третий классы. Представляю, сколько страха девчонки натерпелись, когда к ним милиция позвонила!»

Нет, разумеется, я не собиралась расследовать жестокое убийство методом «научного тыка». Почему тогда не бросилась сразу изучать по порядку весь список жильцов? Кажется, клиент рассчитывал на то, что я тут же вцеплюсь в его досье, потому что иных путей для расследования нет. У меня вдруг возникло ощущение – Демидов навязывает мне определенный сценарий, причем по такому же плану действовала милиция и не достигла никаких результатов. Зачем повторять чужие ошибки? Совершенно незачем, поэтому я решила объединить усилия, свои и официального следствия, а потому позвонить кому-нибудь из своих знакомых сотрудников милиции.

Поначалу вспомнила о Гарике Папазяне, который в лю-

бой момент был готов прийти мне на помощь, потому что его подогривала мечта об интимной близости со мной. Мы провернули с ним вместе множество дел, но до постели так и не дошло – каждый раз вмешивался его величество случай, иногда мною же и подстроенный, и мечта Гарика оставалась нереализованной.

Я уже набрала половину цифр его телефонного номера, но вдруг вспомнила, что этот доблестный армянин тарасовского разлива недавно едва не присоединился к числу тех, о ком с трагизмом в голосе говорят: «Погиб при выполнении служебного долга». Машина, в которой он преследовал правонарушителей, перевернулась, водитель скончался по дороге в больницу, а Папазяну, сидящему рядом с ним, повезло – он отделался, можно сказать, легким испугом. Травма, которую получил Гарик, была пустяковой, но из-за нее он уже вторую неделю находился на больничном и даже не беспокоил меня своими звонками. А мне нужен был человек, который в курсе последних криминальных событий и, разумеется, в трудоспособном состоянии.

Немного подумав, я позвонила на мобильник Андрюше Мельникову, своему бывшему однокурснику по академии права.

– Таня, привет! Я сейчас в Москве, в командировке. Вернусь дня через два-три, – скороговоркой проговорил Андрей.

– Извини, не знала, – сказала я и отключилась, дабы не

разорять своего приятеля роумингом.

Так и быть, придется снова звонить Володке Кирьянову! Во время последнего расследования я чуть не «изнасиловала» его своими вопросами. Днем и ночью надоедала звонками, так что ангельское Кирино терпение едва не лопнуло. Впрочем, характер наших взаимоотношений был таков, что я имела полное право снова обратиться к Владимиру Сергеевичу за консультацией. Он был мне многим обязан, ведь без меня ни за что бы не стал подполковником.

– Алло, Володенька, здравствуй! Ты еще по мне не соскучился?

– Добрый день! Опять в делах, в заботах? – спросил Кирьянов, и по его добродушному голосу я поняла, что могу смело задавать ему любые вопросы.

– Да, взялась за новое расследование. Может быть, ты что-нибудь слышал об убийстве в лифте на Нагорной?

– Слышал. Женщину там зарезали. Так, значит, ты этим сейчас занимаешься? Чем я могу тебе помочь?

– Для начала скажи, нет ли сейчас в городе такой серии убийств? Помнишь, как в две тысячи третьем?

– Нет, Таня, в лифтах давно не убивали. Я слышал, что это дело не из простых. Вначале взяли кого-то, потом отпустили. Если тебе надо, то завтра я попробую узнать какие-нибудь подробности следствия.

– Завтра? – разочарованно переспросила я.

– Да, сегодня не получится, поскольку воскресенье. Я-то

на работе, а вот у следователя – выходной.

– Ладно, и на том спасибо. Завтра так завтра. Только ты уголовное дело внимательно прочитай, меня любые мелочи могут заинтересовать.

– Какая шустрая! Я совсем не уверен, что мне дадут в руки это дело. Так, как бы невзначай, могу поинтересоваться кое-какими подробностями, а чтобы прочитать его от корки до корки, тут, знаешь ли, особый подход нужен.

– Если у этого подхода есть денежное выражение, то я готова оплатить разумную сумму.

– Буду иметь это в виду. Возможно, мне и удастся получить доступ к делу. Извини, Танечка, городской телефон звонит. Завтра я тебя найду.

Разговор с Кирияновым согрел мне душу. Честно говоря, я считала, что из-за моей чрезмерной навязчивости наши отношения слегка испортились, и потому надо выдержать паузу для того, чтобы Володька окончательно остыл. Два дня оказалось вполне достаточно, Кирия за это короткое время отдохнул от моих заданий и теперь снова был готов помогать мне. Правда, сроки, в которые он обещал мне раздобыть нужную информацию, меня не очень устраивали. Целые сутки – это так много! За те деньги, которые я взяла с Демидова, отдачу должен давать каждый час.

Я вновь взяла в руки материалы, которые подготовил Алексей. Опять в моей душе возникло какое-то противодействие, внутренний тормоз почему-то не давал возможно-

сти заняться пристальным изучением всех жильцов первого подъезда злополучного дома на улице Нагорной. «Таня, может быть, ты привыкла чувствовать интеллектуальное превосходство над своими клиентами и теперь тебе претит то, что Демидов ответил на твои вопросы раньше, чем ты задала их ему? – спросила я себя и не на шутку призадумалась. – Глупости! Дело вовсе не в том, что выиграла амбиция или что-то в этом роде, здесь нечто совсем другое. Что? Может, Алексей пытается сознательно ввести меня в заблуждение? Может быть, это он сам разыграл убийство как по нотам, обеспечил себе с помощью Кирилла алиби, а затем, чтобы пустить всем, в частности соседям, пыль в глаза, нанял меня и направил по ложному следу? Если так, то он хороший актер, и надо, прежде всего, проверить его алиби».

Предположение было очень смелым. К этой внезапной вспышке озарения следовало возвращаться не торопясь, осторожно, чтобы не наделать глупостей. Никаких данных на Кирилла в «научных трудах» не было, потому что он проживал в другом подъезде. А вот Наташа Шевцова, которая в момент убийства сидела на скамейке и качала коляску с ребенком, числилась под номером десять, так как проживала в десятой квартире. Алексей даже указал ее домашний телефон. Нелишняя информация, особенно, если учесть, что эта молодая мамаша тоже обеспечивала ему алиби и, наверное, могла подтвердить, что он зашел в подъезд минут через десять-пятнадцать после жены и почти сразу же обнаружил ее

труп.

Прежде чем связаться с Шевцовой, я попыталась упорядочить свои мысли, представив себе, могли ли теоретически Демидов или Кирилл убить Ксению. Если они были в сговоре, то, наверное, такое могло произойти. Ксения вышла из машины и пошла домой, а Алексей остановился с приятелем, точнее с сообщником. Допустим, через какое-то время Демидов позвонил по сотовому жене и попросил ее срочно спуститься вниз. После этого мужчины пошли в подъезд, дождались, когда откроется лифт, и кто-нибудь из них нанес Ксении смертельное ножевое ранение, а Алексей стал кричать так, будто они только что обнаружили труп в лифте. Даже если он испачкался в крови, то мог оправдаться тем, что в состоянии аффекта бросился к жене, не думая о том, что на него может пасть подозрение.

Немного подумав, я пришла к выводу, что эта версия какая-то искусственная, но все равно она требовала серьезного осмысления.

Случается, что мужья убивают своих «любимых» жен лично или нанимают киллера, но стараются делать это так, чтобы риск провала был сведен к минимуму. В данном случае не было никаких гарантий, что не появятся неожиданные свидетели. Во-первых, Ксения могла спуститься вниз не одна, а со случайным попутчиком. Во-вторых, в подъезд могли войти с улицы. В-третьих, могла открыться одна из четырех дверей первого этажа, да и в «глазок» тоже могли что-нибудь

разглядеть... Нет, глупо все это как-то. Зачем нужен сообщник? Алиби-то он обеспечивает, но и заложить тоже может.

А что, если они оба заинтересованы в смерти Ксении, потому что были любовниками? Это возможно, хотя на представителя нетрадиционной сексуальной ориентации Демидов вроде бы не похож. Или похож? Впрочем, в наше время такие случаи перестали быть редкостью. Я вспомнила, что Демидов постоянно твердил: «Мы с Кириллом... Кирилл сказал... Кирилл сделал»... Да, это имя он повторял часто. Версия потихоньку развивалась, хотя мне по-прежнему не нравилась. Интересно, правоохранительные органы не заподозрили в убийстве Демидовой убитого горем мужа?

Я попыталась заставить себя переключиться на построение других версий, поэтому взяла в руки компьютерные распечатки, но так и не стала их изучать, потому что меня посетила гениальная идея. С радостью отбросив листы в сторону, я вскочила с кресла.

## ГЛАВА 5

Как же забыла про Венчика Аякса! Ведь только он может услышать то, что мне никогда не расскажут, увидеть то, чего другие не заметят. Нет, Вениамин Аясов не обременен сверхъестественными способностями и не имеет связи с космосом. Напротив, он в некотором смысле настолько заземлен, что ниже уже некуда. Венчик Аякс – бомж, но не похожий на своих «коллег». Его голова напичкана многими мыслями, причем далеко не бредовыми, а скорее философского порядка. На досуге с ним очень интересно пообщаться, потолковать о смысле жизни. Надо заметить, что Вениамин Аясов не работает из идейных соображений и любит по этому поводу рассказывать притчу о дереве.

Один мудрец путешествовал со своими учениками и зашел в лес, где рубили деревья. Заметив, что лесорубы обошли одно огромное дерево, под кроной которого могла бы расположиться тысяча людей, он попросил своих учеников узнать, почему оно не срублено. Дровосеки сказали, что это дерево абсолютно бесполезно – у него ствол и все ветки изогнутые и в сучках, поэтому из них ничего нельзя сделать, они годятся лишь на дрова. Ученики вернулись и передали услышанное мудрецу. Тот рассмеялся и сказал: «Будьте похожи на это дерево. Если вы будете полезны, то вас срубят, и вы станете мебелью или, что еще хуже, дровами. Будьте аб-

солютно бесполезны, тогда вы вырастите такими же огромными и тысячи людей найдут под вами тень».

Мне посчастливилось быть одной из тех, кому Венчик дал «тень под своими ветками». Я запросто могла прийти в его полуподвал и попросить о помощи. Он никогда мне не отказывал, а охотно брался за дело, причем делал его так, как никто другой из моих друзей не смог бы сделать. Когда я говорила о том, что Аякс может увидеть то, чего иные люди не заметят, я имела в виду вещи, выброшенные на свалку, а в мусорку выбрасывают, надо сказать, не только хлам. Иногда там попадаются ценные для следствия улики. Ну не самой же мне лезть в мусоропровод! Венчик около него будет смотреться гораздо органичнее, к тому же сможет подслушать, о чем говорят в «кулуарах», то есть в подворотнях и в подъездах. Быть может, у кого-нибудь из жильцов есть смелая версия о том, кто убил Ксению Демидову, которую они не рискнут рассказать постороннему человеку, но охотно станут обсуждать друг с другом, не обращая внимания на «совершенно бесполезное дерево».

В отличие от многих своих собратьев, у Венчика Аякса все-таки было определенное место жительства – он «на птичьих правах» обретался в одном заброшенном полуподвале и считал его своей законной жилплощадью. Вот туда-то я и отправилась в надежде, что застану «хозяина» на месте. Мне повезло – Венчик действительно был у себя, он лежал на каком-то продавленном топчане, занимался изучением мо-

бильного телефона и не обратил на мое появление никакого внимания.

– Тук, тук, тук, – сказала я. – Гостей не ждали?

Аякс от неожиданности встрепенулся и зачем-то спрятал мобильник за пазуху, будто я могла отнять его у него.

– А, это ты, Танечка, проходи. Всегда рад тебя видеть. Смотри, какую игрушку я вчера в мусорном контейнере нашёл, – бомж с гордостью достал старую модель «Эриксона», по габаритам раза в два превышающую мой нынешний сотовый, и сказал: – Совсем народ заелся. Представляешь, я сначала подумал, что он неисправный, а оказалось, что в рабочем состоянии, даже деньги на счету имеются. Набрал я один старый номерок, оставшийся в моей памяти из прошлой жизни, и позвонил... Ну да ладно, тебе это неинтересно... Лучше скажи, зачем пришла?

– Дело у меня к тебе есть одно, Венчик. Я расскажу тебе о нем без предисловий и притч. Хорошо?

– Рассказывай.

– В Трубном районе, в лифте одной девятиэтажки убита женщина, с шеи сорвана золотая цепочка с кулоном в виде сердечка, но, скорее всего, это для отвода глаз, чтобы сбить следствие с толку. Так вот я хотела бы, чтобы ты там потусовался, послушал разговорчики – кто, что по данному поводу думает. Запоминай любые мелочи, но сам рьяно с расспросами ни к кому не лезь, разве только к своим «коллегам». А еще, может быть, найдешь что-нибудь интересное...

– Ясно, значит, все как всегда.

– Да, вот тебе небольшой аванс.

– Свою серебряную звезду я еще не заработал, – лукаво прищурившись, сказал Венчик.

– Серебряную звезду? – удивилась я. – Что ты имеешь в виду?

Аякс вскинул многозначительный взгляд на облупившийся потолок подвала и начал рассказывать притчу:

– На небе светило пять серебряных звезд. Первая – для того, кто расскажет свою собственную историю, утверждая бессмертное творческое начало. Вторая – для того, кому он сочтет нужным ее пересказать, чтобы о ней узнал весь мир. Третья – для того, от кого я услышу эту историю. Четвертая – для меня, чтобы на мне не порвалась нить повествования. А пятая – для того, кто сможет услышать в этой истории то, что никто ранее не слышал, то есть для тебя, Танюша.

– Ясно, – улыбнулась я и прибавила еще несколько купюр. – На Нагорную я тебя сейчас отвезу, а обратно придется на трамвае ехать.

– Хорошо, – согласился Венчик и взял деньги. – Где встречаемся?

– Знаешь, сегодня поздно вечером я сама могу там объявиться, но без особой нужды ко мне не подходи. Если только будет что стоящее, то спросишь у меня сигаретку. А так завтра, в десять утра в скверике около моего дома.

– Понял, сейчас буду собираться.

– Я подожду тебя в машине.

## ГЛАВА 6

Я отвезла Венчика на объект и вернулась домой. Немного погодя, несмотря на необъяснимое внутреннее противодействие, снова решила заняться изучением материалов, подготовленных Демидовым. Короче, попыталась пойти путем, навязанным мне клиентом, но сначала сварила себе кофе. Вот так с чашечкой ароматной «Арабики» в одной руке и с сигареткой в другой, а также с листочками на коленях я мысленно заходила в каждую квартиру. На этот раз шла по порядку, начиная с первой. О ее жильцах мне было уже немного известно. В ней проживали пожилые супруги Никольниковы. Именно Лидия Степановна заходила в подъезд, в промежутке времени между Ксенией и Алексеем. На его крик первыми отреагировали Никольниковы, даже Илья Федорович выехал на инвалидном кресле с радиотелефоном в руках, он и вызвал милицию.

Я задала себе вопрос – могли ли эти бабушка с полупарализованным дедушкой убить Демидову? Ответ был однозначным – не могли. Почему? Глупый вопрос! Не могли, и все. Да и зачем им это?

Вторая квартира была продана около полугода назад, и в ней никто не проживал. Алексей пометил, что на окнах есть металлические решетки. Впрочем, я и сама видела, что все окна первого этажа в «клеточку». Из разговора с клиентом

также помнила, что в квартиры, в которые до позднего вечера никто не вернулся, милиция не заходила. Стало быть, теоретически во второй квартире вполне мог укрыться преступник. А почему бы и нет? Скорее, да. Гадать об этом можно было сколько угодно, но для того, чтобы удостовериться, был ли там кто-нибудь в последнее время, надо туда попасть. Собственно, для меня это не проблема, поскольку в моем арсенале есть большой набор отмычек. Я обвела красным маркером цифру «два» и перешла к следующему пункту.

В третьей квартире, впрочем, как и в четвертой, на момент убийства никого не было, но вечером жильцы пришли с работы, и менты благополучно обыскали их жилплощадь. Мне не оставалось ничего другого, как принять за основу утверждение, что преступник там не скрывался.

Первый этаж был отработан, и вместе со второй чашкой кофе я «поднялась» на второй. Над Никольниковыми проживала семья Полежаевых, сыночка которых вместе с его дружками правоохранительные органы заподозрили в убийстве, задержали, а потом выпустили. Вероятно, подозрения были основаны не на уликах, а на мотиве. Наркоманам, как правило, всегда нужны деньги. Я была практически на сто процентов уверена, что золотую цепочку у них не нашли, иначе бы их не выпустили. Хотя не нашли – это еще не значит, что ее там не было. Спрятать такую мелочь не составляет особого труда – в каждой квартире есть потайной уголок, например, за плинтусом или в банке с крупой. Насколь-

ко тщательно опергруппа вела обыск, мне не было известно. Впрочем, почувствовав, что запахло жареным, цепочку могли выбросить в окно.

Я задала себе тот же вопрос – могла ли эта компания убить Ксению Демидову? Логика подсказывала мне, что надо ответить отрицательно. Если ребятам действительно нужны были деньги на наркоту, они вряд ли бы стали грабить там, где их знают в лицо. Это однозначно предполагает, что жертву придется убить. Если это их не смущало, то они бы сняли с Ксении все драгоценности и забрали бы деньги из сумки. Допустим, их что-то спугнуло. Вряд ли, потому что лифт, в котором есть люди, не вызывается. В закрытой кабинке можно сделать все что угодно. Однако изнасилования не было, а грабеж выглядит ненатурально.

Из-за чего же все-таки убили Демидову? Закурив очередную сигаретку, я несколько отвлеклась от изучения списка жильцов и пошла по другой дорожке – стала размышлять не о том, кто это сделал, а о мотивах убийства в принципе. Это могло натолкнуть на свежие соображения.

У человека есть тысячи причин для того, чтобы быть законопослушным гражданином, а вот мотивов для того, чтобы преступить черту дозволенного, не так уж и много. Почему-то первой в мою голову пришла мысль о мести. Мстят, как правило, за смерть близкого человека или за причинение серьезного вреда его здоровью, то есть повод для этого чувства не может быть мелочным. Я подумала о том, что на-

до будет уточнить у Демидова – не было ли в жизни Ксении чего-то подобного. Допустим, она, находясь за рулем, могла наехать на кого-нибудь по неосторожности. Кстати, в моей детективной практике уже был такой случай. Эх, богатая же у меня практика!

Покопавшись в своей памяти, я припомнила одно из последних расследований. Это было убийство из-за очень богатого наследства. Но имелось ли таковое у Ксении, рядового инспектора пенсионного фонда? Откуда ему взяться, если собственного бизнеса нет, а родители еще живы? Дальнейшие комментарии по этому мотиву были излишни. По той же причине я исключила убийство в целях устранить конкурента по бизнесу.

Потом я подумала о том, что убивают из ревности, но в таком случае это касается только двоих – мужа и жены. Если Алексей убил свою супругу из ревности, то он не стал бы это делать при свидетеле. А если в жизни Ксении был некто, живущий в этом подъезде и ревнующий ее к Алексею? Я видела ее портрет. На мой взгляд, Демидова была очень интересной женщиной и могла пленить сердца многих мужчин. Нет, по-моему, это тоже не повод. Из ревности, как правило, убивают соперника, а не объект своего обожания.

Я опять невольно подошла к тому, что между Алексеем и Кириллом могли быть близкие отношения. Но я рассматривала эту версию чисто теоретически. Уж что подделаешь, в последнее время нетрадиционная сексуальная ориентация

перестала быть редкостью, поэтому стыдливо закрываться от подобной версии было неблагоприятно. Я предположила, что семейные узы могли казаться Демидову эшафотом его новой любви, а это уже могло стать веским мотивом для убийства нежеланной супруги. Кстати, подобный случай тоже был в числе преступлений, которые мне довелось расследовать, правда, в артистической среде. Но Демидов торгует строительными материалами, а его приятель – бывший пограничник и сейчас занимается ремонтом квартир. После коротких размышлений я пришла к выводу, что все-таки это надуманная версия.

Если не принимать в расчет маньяков, для которых преступление – это способ избавиться от одиночества, то остался один, едва ли не самый распространенный мотив для убийства – попытка избежать наказания, устранив свидетеля. Ограбление больше походило на отвлекающий маневр. А преступление, которое преступник хотел скрыть от правосудия, заставив Демидову замолчать навеки, могло произойти несколько раньше, и убийца только ждал подходящего момента.

Я задалась вопросом – так ли удобен был момент? Ксения возвратилась домой неожиданно, поэтому спланировать время для убийства было невозможно. Значит, преступник долго вынашивал свои планы, наконец, воспользовался подходящим моментом и, скорее всего, скрылся в одной из пустующих квартир. Вновь и вновь интуиция подсказывала мне,

что надо искать следы убийцы там, где не была милиция.

Бегло просмотрев список дальше, я обнаружила, что, кроме уже известных мне двух пустующих квартир, имелась еще одна. Таким образом, мне предстояло проникнуть во вторую, двадцать четвертую и двадцать пятую квартиры. Такие мероприятия лучше всего проводить в темное время суток, поэтому я продолжила изучение «научных трудов» Демидова. Правда, пришлось взбодрить себя очередной чашечкой кофе.

На втором этаже, кроме Полежаева и его дружков, в момент убийства дома никого не было, но жильцы шестой, седьмой и восьмой квартир пришли вечером и, надо думать, любезно позволили милиционерам обыскать свои «норки». Что ж, по данному поводу ничего не нафантазируешь, пора «подниматься» на третий этаж!

Я положила на колени следующий листок и потянулась за сигаретами. К моему удивлению, пачка оказалась пустой, зато пепельница была полна окурков. Вот так всегда – когда я думаю, то курю одну сигарету за другой. Хорошо, что в запасе есть еще одна пачка. Итак, кто у нас живет на третьем этаже? В девятой квартире – одинокая пенсионерка Федорчук Валентина Валентиновна, больная ишемической болезнью сердца. Думаю, что бабушку можно оставить без особого внимания.

Так, по соседству было пусто, потому что Наташа Шевцова сидела со своим ребенком на скамейке во дворе. В один-

надцатой была пятнадцатилетняя Лена Солнцева. Думаю, что убийца не она. В двенадцатой находился мастифф по кличке Джим. Да, Демидов, оказывается, с чувством юмора! Уж пса, пусть и такого огромного, я точно не буду подозревать в том, что он нанес смертельное ножевое ранение или позволил чужому спрятаться в этой квартире. Ладно, «поднимаемся» выше.

В тринадцатой и четырнадцатой квартирах в момент убийства никого не было, хозяева вернулись к вечеру. В пятнадцатой находилась продавщица Михеева Вера Петровна. На нее уже падал мой указующий перст, и я помнила, что эта дама оказалась дома, потому что у нее выходной день. Эх, Вера Петровна, знали бы вы, что порой гораздо полезней развлечься, чем заниматься домашними хлопотами! Пошли бы в кино или парикмахерскую – отвели бы от себя подозрения.

Уж такой у меня характер, что иногда я позволяю себе поязвить!

А почему это я так уверена, что она именно домашними делами занималась, а не убийством? Что это я всех оправдываю, словно не частный детектив, а адвокат! Пожалуй, надо поговорить с Михеевой. Я обвела красным маркером номер пятнадцать, затем подумала и отметила пятую квартиру. С Саньком Полежаевым тоже не мешало бы потолковать. Так, на четвертом этаже осталась Балалейкина Мария Петровна, пенсионерка, но, похоже, без тяжелых хронических заболе-

ваний, раз Демидов о них умолчал. Она была в момент убийства дома, поэтому с ней тоже надо пообщаться.

Идем выше! Замечательно! С этим товарищем всевременно надо поговорить! Менеджер страховой компании Тучнов Игорь Андреевич, лет сорока семи – пятидесяти, холост. Демидов поставил рядом с этой фамилией галочку. Интересно – у Алексея против Тучнова какие-то конкретные подозрения или он рассуждал так: неженатый мужчина в самом расцвете сил находился дома в рабочее время по непонятным причинам. Разумеется, среди пенсионеров, детей и женщин эта кандидатура вызывает наибольшие подозрения. Согласно, надо выяснить, что Игорь Андреевич собой представляет, тем более что никого из соседей по площадке в момент убийства дома не было. На пятом этаже находился только он один, но вот незадача – Ксения должна была направиться на лифте на восьмой.

Я как-то незаметно втянулась в изучение списка жильцов и перестала ощущать дискомфорт оттого, что пошла путем, указанным мне клиентом. К пяти часам вечера я мысленно поднялась на шестой этаж. Однако медленно двигалась, но все-таки двигалась! Давай, Таня, двигай дальше!

Если верить «трусам» Алексея, то в минувшую среду с трех до четырех часов дня ни в одной квартире шестого этажа никого дома не было. Раньше всех вернулась из поликлиники Лунько Анна Александровна, с которой я сегодня уже пообщалась. Это та самая «активистка», которая усо-

мнилась в виновности полежаевской компании и высказала свои подозрения насчет квартирантов «кавказской национальности», проживающих на последнем этаже, кажется, в тридцать третьей квартире.

Я «перепрыгнула» через два этажа, отыскав нужный листок. Надо же, Демидов тоже сделал пометку перед номером тридцать три! Эта квартира принадлежала гражданину Поляковскому В.И., но сам он не жил в ней уже больше трех лет, а сдавал ее внаем. Последние квартиранты вселились месяца два назад. Фамилию семьи из пяти человек мой клиент не знал, а только указал примерный возраст детей – от трех до восьми лет. В момент убийства они вместе с матерью были дома, а глава семейства по имени Арам появился только на следующий день. Забавно – на чем же, собственно, основаны подозрения? Неужели только на том, что эта семья с Кавказа? Бред какой-то!

Прежде чем «спуститься» вниз, я быстренько разведала обстановку на последнем этаже. В тридцать четвертой квартире в тот злополучный день и час находились школьницы Наташа и Таня Бондаревы. Впрочем, это мне уже было известно, и девочки не вызывали у меня никаких подозрений.

Так кто значится в тридцать пятой? Аркадий Родионович Сошкин, слепой, и женщина без имени. Сожительница, что ли? Я взяла другой листок. Нет, социальный работник из районного отдела соцзащиты, которая три раза в неделю приходит к нему. Надо же какая точность! Демидов знает,

что не два, а именно три раза в неделю! Слепой и домработница. Нет, это не те, кого я ищу! А в тридцать шестую хозяева пришли только вечером. Надо «спускаться» вниз, еще два этажа не обследовано.

На седьмом этаже, кроме одной пустующей квартиры, не было больше ничего, заслуживающего моего внимания. Беременная женщина из двадцать восьмой квартиры ну никак не вызывала у меня подозрений! Остался восьмой этаж, на котором проживали Демидовы. Там была только «сладкая» парочка, о которой мне рассказывал Алексей. Пожалуй, Тамаре Евстюхиной тоже не повезло. Она сама стала жертвой случая. До мужа наверняка дойдут слухи о любовнике. Не случись убийства и поквартирного обхода, ее измена могла бы остаться под покровом тайны.

Все, хватит! Устала! Такое ощущение, что я не в кресле сидела, изучая компьютерные распечатки и делая свои глубокомысленные выводы, а на самом деле бегала по лестнице то вверх, то вниз. А главное – все это, кажется, без толку. Сколько ненужной информации пришлось пропустить через себя! Да, загрузил меня Демидов, ничего не скажешь! Ну, зачем мне фамилии, имена и отчества тех, кого в момент убийства не было дома и чьи хаты на поверку оказались чистыми?

Таня, неужели никто из присутствующих там в момент убийства не вызывает у тебя серьезное подозрение? Ты же кого-то отмечала в списке, или твое мнение изменилось? Де-

тей и стариков, пожалуй, можно сразу исключить. А женщин? Вообще-то, удар ножом в сердце – это больше мужской способ убийства. О вынужденной самообороне говорить не буду, тут подойдет любое колюще-режущее оружие. Во всяком случае, в моей практике еще не было, чтобы женщина по обдуманному плану зарезала женщину ножом. Испачкаться в крови... Фи, какая гадость! Бывало, что отравляли, заказывали киллеру и даже сами стреляли из пистолета, но вот ножом не орудовали.

Понимаю, статистика – это не аргумент, но тем не менее среди всех описанных Демидовым граждан наибольшее подозрение вызывает мужчина, Тучнов Игорь Андреевич, менеджер страховой компании. И все? Хорошо, добавим к нему тетеньку, Веру Петровну Михееву. А Санек Полежаев с дружками? Ими займусь после того, как Кирьянов расскажет мне о деталях этого дела. А сейчас, пожалуй, стоит наведаться на Нагорную. Правда, еще не стемнело, чтобы можно было без особых проблем проникнуть в пустующие квартиры, но не сидеть же дома сложа руки!

## ГЛАВА 7

Въезд во двор был загорожен красным «Москвичом», поэтому я сдала немного назад, объехала дом вдоль трамвайной линии, заметила около четвертого подъезда удобное место для парковки и вышла из машины. В глубине соседнего двора, около деревянных сараев промелькнули две странные личности. В одном из них, несмотря на не свойственную ему шаткую походку, я безошибочно узнала Венчика Аякса, а второй, судя по жалкому внешнему виду, был его «коллегой».

Вообще-то бомжи редко находят общий язык друг с другом, потому что видят в каждом себе подобном конкурента. Они могут драться насмерть не только из-за «прихватизации» ценностей из чужих мусорных баков, но и из-за того, что один нечаянно забрел на территорию, которую другой считает своей. Но Вениамин умел находить подход к людям – кого-то мог заинтересовать беседой, а с кем-то расплачивался за информацию полученной от меня «серебряной звездой». В общем, я была за него спокойна и уверена в том, что они отправились за сараи не мериться силой, а обмениваться информацией.

На скамейке около первого подъезда сидели какие-то бабули, одной из них была уже известная мне Анна Александровна Лунько из двадцать третьей квартиры. Она расплы-

лась в уважительной улыбке и первой заговорила со мной:

– Как хорошо, что ты снова пришла сюда. Скажу на прямоту – мы даже ждем тебя.

– Меня? Честно говоря, я сама не знала, что сегодня вернусь сюда.

– А мы так рассудили – днем почти все на дачах, а к вечеру съезжаются, вот ты и придешь с жильцами поговорить. Завтра-то на работе большинство будет.

– Логично. Вот давайте с вами первыми я и поговорю, – бабули подвинулись, и для меня освободился краешек скамейки, на который я тут же присела. – Насколько я понимаю, у вас есть какие-то свежие соображения?

– Есть, и не только соображения, но и конкретные подозрения, – заговорщицким тоном проговорила Анна Александровна. – Дочка, тебя Таней зовут, так?

– Да.

– Меня Анной Александровной. Это – Мария Петровна из шестнадцатой квартиры, а это – Мария Константиновна из второго подъезда, – «активистки» поочередно кивнули мне головами. – Вот Константиновна как раз и хочет тебе кое-что сказать.

– Да, я внимательно слушаю.

– В тот день я белье на балконе вешала. У меня радикулит, поэтому медленно все делаю – наклонюсь к тазику, повешу вещичку, передохну, на улицу посмотрю. Вот он мой балкон, на втором этаже, – собеседница кивнула головой на

него, – оттуда все как на ладони. А в среду я ждала внучку из музыкальной школы, а она не идет и не идет. Я даже волноваться стала, а Светка, оказывается, зашла по дороге к подруге. Так вот, перед тем, как на балкон выйти, я на часы посмотрела. Была половина третьего, это точно. И пробыла я на балконе больше часа. Всех видела там внизу. В три часа Наташа вышла с коляской, я у нее спросила, как дела, потом к Аркадию Родионовичу Вероника Матвеевна пришла из соцзащиты. Такая хорошая женщина, трудолюбивая...

– Скажи уж Сошкин хорошо ей приплачивает, вот она и старается, – влезла в разговор Мария Петровна.

– Ну и что же, что приплачивает, зарплата у нее маленькая. Не будем отвлекаться. Я, собственно, вот что хотела сказать – после Вероники Матвеевны до Ксюши никто в первый подъезд не входил и никто оттуда не выходил. Потом Лида прошла, Никольникова Лидия Степановна из первой квартиры. Минут через десять из-за угла вывернули Алексей и этот из третьего подъезда, как его?

– Кныш, Кирилл Кныш, – уточнила Анна Александровна.

– Пусть будет Кныш, но мне кажется, другая у него фамилия... вроде бы Карапыш.

– Я точно знаю, что Кныш, – настаивала на своем Лунько. – Моя дочь с его сестрой в одном классе училась.

Однако этот аргумент не подействовал, и две последовательницы мисс Марпл продолжили свой спор. Я подумала, что дальше речь пойдет о Кирилле, точную фамилию кото-

рого мне знать не мешало бы, поэтому не прерывала их дискуссию.

– Хватит спорить, – снова подала голос Мария Петровна. – Сдался вам Кирилл! Разве в нем суть дела?

– Ты права, Маруся, не в нем. Я только хотела сказать, что, когда Леша и Кирилл показались из-за угла, я помню, на часы посмотрела – было двадцать пять минут четвертого. Уж все белье развесила, а Светка не идет и не идет, поэтому я продолжала стоять на балконе и ждать ее. Если бы кто посторонний зашел в первый подъезд или вышел оттуда, я бы его заметила. Одно могу утверждать совершенно точно – убийца был там уже за час до этого, – Мария Константиновна тяжело вздохнула. – Лешин крик до сих пор у меня в ушах стоит. Наташа ребеночка из коляски вынула, побежала с ним в подъезд, а потом пулей оттуда вылетела. Я ее спрашиваю, что случилось, а она вся трясется, ничего толком сказать не может. Насилу я поняла, что Ксюшу Демидову в лифте за-резали.

– Маша, ты по существу говори, по существу, – не унималась Анна Александровна. – Чего тянешь кота за хвост, испугалась, что ли? Так я и знала! Между нами, значит, языком трепать можешь, а от следствия факты утаиваешь. А может быть, ты все придумала?

– Ничего я не придумала, – обиженно отвернулась в сторону Мария Константиновна.

– А почему ж тогда от милиции такую важную деталь ута-

ила? И частному детективу не хочешь рассказать все, что видела, чего боишься-то? Будешь молчать, так я сама обо всем расскажу!

– Нюра, я не сразу поняла, что это может относиться к делу, – Мария Константиновна, которая сидела рядом со мной, положила свою руку на мою и сказала, оправдываясь: – Дочка, у меня и в мыслях нет того, чтобы что-то утаивать. Я, Танечка, видела, что кто-то был вон на том балконе, на седьмом этаже.

– Это двадцать пятая квартира, там никто не живет, – снова вмешалась со своими комментариями Лунько. – Хозяин здесь наездами бывает – вроде бы работает в Москве. Хотя это еще вилами на воде писано.

– Мария Константиновна, значит, вы видели на балконе хозяина двадцать пятой квартиры, одной из тех трех, которые милиция не осматривала?

– Не совсем, его самого я не видела, врать не буду, но там определенно кто-то был. Я случайно посмотрела в ту сторону и обратила внимание, что балконная дверь открыта. А через какое-то время снова посмотрела туда, она уже закрыта была.

– Может, это от ветра? – уточнила я.

– Танечка, неужели человек уедет на несколько месяцев из дома и оставит незапертой балконную дверь? Либо хозяин вернулся, либо туда проник преступник, который и убил Ксюшеньку, – сделала вывод Мария Константиновна.

– А что собой представляет хозяин двадцать пятой квартиры?

– Бочаров его фамилия, а имени не знаю. Подозрительный он до жути, – принялась охарактеризовывать его Анна Александровна. – Квартиру купил года два назад, мебели у него почти нет, ни с кем не здоровается. Поздравствуешься с ним, так он буркнет что-то, смотря себе под ноги... и повторяю – бывает здесь наездами.

– А откуда вы знаете, что он именно в Москве живет?

– А я у него спрашивала. Хотя теперь думаю, что он мог и соврать. Не верю я теперь ни одному его слову. Он это Ксюшеньку порешил, больше некому! – подвела итог Лунько.

– Нюра, я вот смотрю на тебя и удивляюсь – как ты быстро мнение обо всех меняешь! – подала голос третья бабуля, которая до сих пор предпочитала отмалчиваться. – Ничего подозрительного в Бочарове нет. Я слышала, что он врач, да и ты об этом знать должна, сама же мне и рассказывала. Здесь у нас зарплаты маленькие, вот он в Москве и работает, а еще у него там взрослая дочь в институте учится, а жена умерла.

– Врач, точно врач! Запомню я, – призналась Лунько. – Врач! Вот как раз врачи – еще те мясники! Кому, как не врачу, точно знать, где сердце находится!

– Нюра, побойся бога! Ты давеча многодетную семью с девятого этажа подозревала, – пристыдила приятельницу Мария Петровна. – Ну, разве это не абсурдно? И вообще мне кажется, что никого в двадцать пятой квартире не было, и те-

бе, Маша, это все показалось. Помнишь, как зимой ты утверждала, что видела Таньку Баранову, а оказалось, что это вообще не зимой было, а осенью.

– При чем здесь Танька Баранова? Речь о Бочарове. Интересно, кто ж тогда убил Демидову, если не он? – спросила ее Мария Константиновна.

– Интересно тебе, – всплеснула руками ее тетка. – В том-то все и дело, что вам обеим просто интересно, вы сыщицами решили заделаться и придумываете от нечего делать всякие небылицы. Утверждать можно только то, в чем есть твердая уверенность, а зря балаболить нечего. И вообще, что вы человека задерживаете! Наверное, она знает, как надо расследовать, вот пусть и занимается делом, может быть, выйдет на след убийцы. Татьяна, все, что вы сейчас слышали, всерьез не принимайте!

– Да, Маруся, не ожидала я от тебя такого! Балаболкой меня назвала, подумать только! Я тебе этого вовек не забуду! – бросила в сердцах Мария Константиновна, встала со скамейки и направилась к своему подъезду.

– И я от тебя такого не ожидала, – сказала Лунько. – Постой, а может быть, ты сама что-то знаешь, но молчишь? Ну-ка признавайся, что у тебя на уме!

Я не вмешивалась в разговор пенсионерок, но внимательно наблюдала за ними, и мне показалось, что Мария Петровна, действительно, располагает какой-то важной информацией. Она слушала своих приятельниц, скептически поджав

губы, будто знала, что на самом деле все происходило иначе. Когда же Анна Александровна попыталась ее расколоть, то даже в полусумраке было заметно, что старчески-бледное лицо Марии Петровны прошиб легкий румянец.

– Я не видела, кто убил Демидову, поэтому ни на кого пальцем указывать не собираюсь. Чего выдумывать зря? – С этими словами старушка поднялась со скамьи и зашла в подъезд, даже не попрощавшись.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.